

Джон Глэд

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом выпуске впервые на русском языке представлено предисловие Джона Глэда к «Колымским рассказам» В. Шаламова (1994).

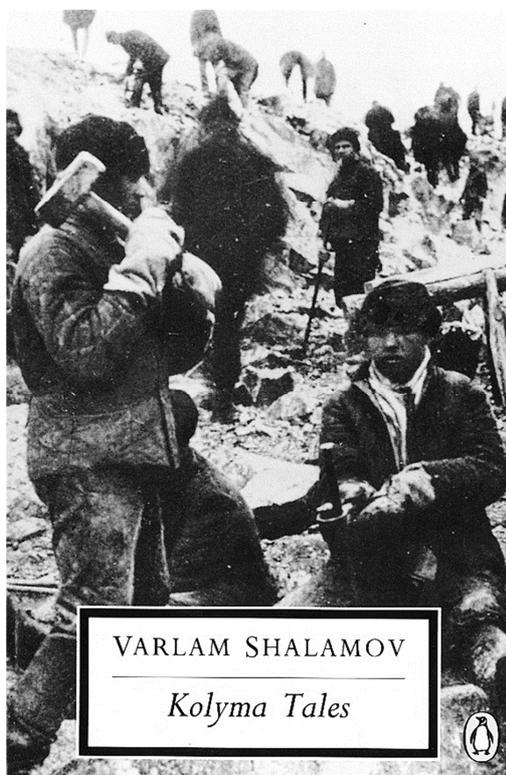
«Колымские рассказы», Варлам Шаламов, перевод, Джон Глэд.

Наша позитивистская культура иногда низводит литературу до «художественного знания», что является не самым уместным комплиментом. Нельзя сказать, что такого понятия не существует, но искусство не есть знание. Оно уникально, *sui generis* (индивидуально в своем роде), самодостаточно. Познание искусства – одно из самых ценных оправданий нашего собственного существования.

В то время как произведение искусства «обогащает» (еще одна неуместная аналогия), оно также создает ощущение послеродовой потери: первый опыт уникален, он не может быть повторен – и не важно, насколько возрастают понимание и оценка произведения, достигаемые за счет внимательного изучения. Если бы мы только могли стереть из памяти наши любимые книги и вновь испытать ощущение нежданного чуда, которое хранят в себе эти произведения! Когда мы советуем друзьям прочитать наши любимые книги, мы испытываем зависть, ибо уже не можем почувствовать ту первозданную магию. И чем больше мы любим книгу, тем сильнее наша тоска. Мы не можем дважды войти в одну и ту же реку, не только потому, что река изменилась, но и потому, что мы сами постоянно меняемся.

Если вы впервые начинаете читать рассказы Варлама Шаламова, вам можно позавидовать, ваша жизнь изменится, и вы будете завидовать другим, еще не вошедшим в эту реку.

«Колымские рассказы» показывают жизнь в советских лагерях, и историки расценивают их как важный документальный материал. У ГУЛАГа есть много летописцев, но только один Варлам Шаламов. Книга может быть прочитана как художественное произведение, основанное на реальных исторических событиях; выражение «исторический роман» само по себе – «историческая случайность»; история в литературе не ограничивается крупными жанрами. Но «Колымские рассказы» это больше, чем история. Если бы лагеря никогда не существовали, книга, став плодом воображения, все равно была бы одной из великих книг мировой литературы, только более впечатляющей.

Отделенная от Аляски Беринговым проливом шириной в 55 миль, Колыма в царские времена была местом ссылки и золотодобычи¹. В 1853 г., например, царский чиновник Муравьев-Амурский смог отправить в Петербург три тонны золота, добытого каторжным трудом. Спустя чуть более полувека Советский Союз, второй в мире крупнейший добытчик золота, также использовал Колыму как огромную тюрьму, где занимались в основном добычей золота.

Чрезвычайно трудно точно определить число политических жертв в советский период. 6 апреля 1990 г. советский генерал и историк Дмитрий Волкогонов во время лекции в Пентагоне привел предварительные

¹ Освоение Колымы начинается в советское время, а приводимый факт из 1853 г. относится к Нерчинским рудникам в Забайкалье. Здесь и далее примечания Л. Егоровой.

данные числа репрессированных (заключенных и/или убитых) – 22,5 миллиона. По оценкам некоторых иностранных историков эта цифра значительно больше. Если говорить только о Колыме, то в 1949 г. польский историк Казимир Заморский насчитал 3 миллиона ссыльных, из которых, предположительно, выжило не более 500 тысяч. В 1978 г. Роберт Конквест заявил, что приблизительно 3 миллиона человек встретили свою смерть на Колыме – и уж точно не менее 2-х миллионов. Такие цифры трудно осознать².

Период Большого террора – годы с 1937-го по 1939-й. Миллионы людей были арестованы, месяцами содержались в ужасных тюремных условиях, проходили по сфабрикованным делам и были казнены или отправлены в Сибирь. Истощенные в результате катастрофической нехватки еды, питьевой воды, при отсутствии элементарных удобств, замерзающие на холоде, они прибывали в сибирские порты Владивостока, Ванино и Находки после 30–40-дневной поездки поездом. Там они какое-то время содержались в пересыльных лагерях.

Эпидемии тифа погубили многих. Тех, кто выжил, отправляли на корабле с «материка» в пересыльные лагеря, служившие рынками рабов для горных работ на Колыме. Некоторые шахты нанимали представителей, чтобы подбирать наиболее подходящих для работы заключенных. Другие просто имели распоряжения по поводу установленного числа новых заключенных каждый год. Высокая смертность на Колыме приводила к постоянной нехватке рабочей силы.

Корабли, перевозившие заключенных на Колыму, были куплены в Англии, Голландии, Швеции и носили такие названия, как «Puget Sound», «Commercial Quaker». Их строители никогда не планировали использование кораблей для перевозки пассажиров, но советские покупатели нашли их вместительность идеальной для человеческого груза. В морозную погоду заключенных можно было легко контролировать с помощью пожарных насосов.

В 1931 г. был создан советский трест «Дальстрой», ответственный за все принудительные работы в северо-восточной Сибири. С главным управлением в Магадане, «Дальстрой» владел всей Колымой, огромной естественной тюрьмой, ограниченной Тихим океаном с одной стороны, северным полярным кругом – с другой, непроходимыми горами – с третьей. Постепенно «Дальстрой» распространил свою власть на запад до реки Лены и на юг до Алдана – территория в четыре раза превышала площадь Франции. Его владения могли даже доходить на запад до Енисея. Если это так, власть «Дальстроя» распространялась на территорию, совпадающую по размерам с Западной Европой.

Рейнгольд Берзин³, латвийский коммунист, руководил трестом с 1932 по 1937 гг. В течение этого времени условия были относительно удовлетворительными: заключенные получали достаточное количество еды и одежды, посильную работу и напряженным тру-

дом могли сократить срок своего заключения. В 1937 г. Берзин, его заместитель И.Г. Филиппов и еще несколько человек были арестованы и расстреляны как японские шпионы. Управление «Дальстроем» перешло к К.А. Павлову и патологическому убийце майору Гаранину (был казнен в 1939 г.). Эти изменения руководства были обусловлены речью Сталина в 1937 г., в которой он критиковал «поблажки»⁴ заключенным.

При Павлове и Гаранине продукты питания были сокращены – многие заключенные не надеялись на выживание; одежда и еда не соответствовали суровому климату, заключенных отправляли на работы в 50-градусные морозы.

Иерархия в лагерях была организована таким образом, что высокостоящие бюрократы обладали практически безграничной властью и привилегиями. В самом низу порядка подчинения находились солдаты и бывшие осужденные, которых освободили, но не позволяли уехать. Их жизненные условия были лишь немногим лучше, чем у заключенных.

Привилегированное положение по возможности занимали обычные преступники. Привыкшие к насилию, они легко управляли политическими заключенными, хотя те превосходили их численностью. В целом, самым худшим в лагерях было то, что профессиональные преступники постоянно жестоко обходились с политзаключенными и убивали их.

С началом Второй мировой войны официальный рабочий день увеличили с десяти до двенадцати часов (хотя неофициально он часто составлял шестнадцать часов), и хлебный паек урезали примерно до полукилограмма в день. Когда война подошла к концу, условия улучшились, и всеобщая амнистия была объявлена сразу после смерти Сталина для тех заключенных, чей срок составлял менее пяти лет. К сожалению, только обычные преступники получали такой легкий приговор.

При Хрущеве политических заключенных освободили и «реабилитировали», что означало признание правительством их полной невиновности.

Несколько советских книг о Колыме появились еще до Горбачева. Одной из них была опубликованная в 1959 г. книга Виктора Урина «По колымской трассе – к полюсу холода». Книга напоминала записную книжку путешественника с дорожными впечатлениями, в ней было немало фотографий, среди них – женщин в купальных костюмах; все это напоминало ранние издания журнала «National Geographic». Урин дополнил дорожные описания своими стихами. Андрей Зимкин, в книге которого «У истоков Колымы» заключенные не упоминаются, был на Колыме с 1933 по 1961 гг. Неясно, в качестве заключенного или гражданского рабочего в лагере.

История Варлама Шаламова, напротив, ясна. Сын священника, он присоединился к группе молодых троцкистов в 1927 г., будучи двадцатилетним студентом факультета права Московского университета. В 1929 г. был взят милицией в результате облавы, когда пришел забрать незаконно напечатанные материалы. Он отказался от дачи показаний на суде, был

² О цифрах, основанных на первичных документах, см.: Козлов А. В период «массового безумия» // Вечерний Магадан. – 1992. – 2 декабря. URL: <https://shalamov.ru/context/2/>. См. также: Есипов В. Об историзме «Колымских рассказов». URL: <https://shalamov.ru/research/217/>

³ Эдуард Петрович Берзин (1893–1938).

⁴ В оригинале: «coddling».

приговорен к трем годам каторжных работ и получил досрочное освобождение в 1932 г.; приговоры тогда были сравнительно мягкими.

К тому времени Шаламов уже начал писать и прозу, и поэзию, но лагерная жизнь станет темой, к которой он обратится позже. Разочарованный отсутствием поддержки друзей, которых тоже арестовали, Шаламов решил уйти от политики, но, вместе с миллионами других, попал в сеть государственного террора.

В 1937 г. Шаламов был вновь арестован и получил пять лет лагерных работ за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Вновь осужденный в 1943 г. за похвалу нобелевского лауреата Ивана Бунина и причисление его к классикам русской литературы, Шаламов должен был оставаться в лагерях до конца войны. Удивительно то, что новый приговор оказался своеобразным благословением. Обвинение в «антисоветской агитации» казалось незначительным по сравнению с прошлым обвинением в «троцкизме». До этого Шаламов содержался в настоящем лагере смерти, где при росте 180 см он дошел до веса 48 кг. После нового приговора Шаламов был переведен в лагерную больницу и смог восстановить свой вес. Добыча золота вновь истощила его, и он вернулся в больницу. После этого Шаламов был отправлен в лесозаготовительный лагерь, где заключенных, не выполнявших трудовую норму, не кормили. Схваченный при попытке бегства, Шаламов был отправлен в штрафную зону, где эков, если они не могли работать, сбрасывали со скалы или привязывали к лошадям, тащившим их до смерти. Ему был дан шанс, когда на работы привезли группу итальянских заключенных, чтобы заменить ими своих эков. Врач проявил интерес к Шаламову и смог направить его на курсы фельдшеров – это был второй удачный поворот судьбы, который буквально спас Шаламову жизнь.

В 1951 г. Шаламов был освобожден из лагеря, и в 1953 г. ему разрешили покинуть Магадан – без права проживания в больших городах. После окончательного освобождения Шаламов начал писать «Колымские рассказы». 18 июля 1956 г. он был официально «реабилитирован» советским правительством, получил разрешение вернуться в Москву, где работал журналистом, и в 1961 г. начал публиковать свои стихи. Всего он опубликовал пять небольших сборников. Стихи Шаламова глубоко связаны с его колымским опытом – обстоятельством, которое не могло быть названо в самих сборниках. Но истинный талант Шаламова проявился в прозе, а поэзия не принесла ему признания, на которое он надеялся.

Рукопись «Колымских рассказов» переправил в США в 1966 г. профессор Принстонского университета Кларенс Браун. С 1970 по 1976 гг. Роман Гуль, редактор нью-йоркского русскоязычного эмигрантского ежеквартального издания «Новый журнал», публиковал во многих выпусках один-два рассказа из колымского сборника. Другие появлялись в эмигрантском журнале «Грани», издававшемся во Франкфурте-на-Майне. Полное русскоязычное собрание появилось только в 1978 г. в издательстве «Overseas Publications Interchange» в Лондоне. Чтобы уберечь Шаламова от преследований, редакторы всегда отмечали, что рассказы были опубликованы без ведома и согласия автора.

Хотя Шаламов фактически согласился на публикацию, он был очень недоволен тем, что Гуль редактировал его рассказы и не опубликовал сборник целиком. На страницах «Литературной газеты» Шаламов опубликовал заявление о том, что проблематика «Колымских рассказов» перестала быть значимой после знаменитой речи Хрущева о десталинизации на XX съезде партии, что он никогда не посылал рукописей для публикации за границу и всегда был честным советским гражданином. Он выражал протест против всех, кто ранее участвовал в публикации рассказов на Западе, настолько поразив своих бывших поклонников, что некоторые буквально убрали портрет Шаламова из своих домов. Но даже предав⁵ «Колымские рассказы» – свое главное достижение, Шаламов продолжал их писать.

Рассказы Шаламова написаны в чеховской традиции, но изображают гораздо более жестокую эпоху. Короткий сюжет посвящается одному случаю; объективное, беспристрастное повествование контрастирует с ужасом происходящего и неожиданностью концовки. В то время как Чехова сравнивали с Толстым, Шаламова – с Александром Солженицыным. Параллели здесь не ограничиваются рамками «краткости против размаха». Чехов, писатель, уважавший права читателя в художественном процессе, сознательно избегал делать выводы для своей аудитории. Толстой, с другой стороны (как позднее и Солженицын), постоянно наставлял читателей.

По признанию Солженицына, он в своих произведениях редко касался Колымы. Он просил Шаламова стать соавтором книги «Архипелаг ГУЛАГ», но Шаламов, уже старый и больной, отказался⁶. Тем не менее, Солженицын писал: «Лагерный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт».

Британский славист Джеффри Хоскинг хорошо обобщил различия между Шаламовым и Солженицыным:

Как и «Архипелаг ГУЛАГ»... эта книга является хроникой и обвинением лагерной жизни. Тем не менее, любой, кто познакомится с этой книгой, уже прочитав «Архипелаг ГУЛАГ», будет, вероятно, очень удивлен. Как минимум внешне произведение Шаламова отличается от произведения Солженицына, насколько это можно себе представить. Там, где Солженицын создает единую широкую панораму, свободную и расширяющуюся, Шаламов выбирает наиболее лаконичную из литературных форм – рассказ и выписывает его сознательно и бережно, так, что общая структура напоминает мозаику, созданную из крошечных кусочков. Там, где Солженицын пишет с гневом, сарказмом и горечью, Шаламов выбирает нарочито сухой и нейтральный тон. Там, где

⁵ «But even having betrayed his own major achievement, *Kolyma Tales*, he continued to write them».

⁶ Отказался он по другим причинам. (И впереди было еще 18 лет жизни.) См.: Есипов В. В. Шаламов и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. URL: <https://shalamov.ru/research/317/>

Солженицын погружается в судьбы своих персонажей, излагая их истории с разных субъективных точек зрения, Шаламов четко контролирует повествование, уводя, как правило, от единой точки зрения к полной объективности. Там, где Солженицын неистово моралистичен и проповедует искупление через страдание, Шаламов довольствуется спокойными афоризмами и утверждает, что настоящее страдание, которое Колыма принесла своим заключенным, может лишь деморализовать и сломить дух.

Центральной темой в любой дискуссии о творчестве Шаламова является проблема жанра. Перед нами литературная форма, которая стремится преодолеть разрыв между фактом и вымыслом – что-то вроде исторического романа. Рассказы Шаламова представляют собой слияние искусства и жизни, и невозможно отделить эстетическую оценку от исторической. Хотя рассказы не должны восприниматься как точные, основанные на фактах отчеты, важно понимать, что подавляющее большинство из них имеет автобиографическую основу.

В рассказе «Первый зуб» Шаламов описывает, как его избивали, когда он отбывал первый срок, за защиту члена религиозной секты; ему выбили зуб и заставили раздетым стоять на морозе. «Заговор юристов» показывает то, что должно было стать его собственным приговором; спасла его кровавая встряска среди политического руководства. В «Шоковой терапии» мы видим попытку Мерзлякова симулировать паралич – случай, который Шаламов наблюдал лично. В рассказе «По лендлизу» – тела, которые выкапывал из земли американский бульдозер. Рассказ «Сгущенное молоко» описывает, как другой заключенный пытался склонить Шаламова к попытке бегства, чтобы затем предать его. Переписка с так называемым Флемингом из рассказа «Букинист» – часть личного архива Шаламова. «Поезд» описывает попытку Шаламова вернуться домой. «Кант», «Плотники», «Сухим пайком», «Сентенция», «Тишина», «На представку», «Кусок мяса», «Защититель змей», «Начальник политуправления», «Детские картинки», «Магия» и «Эсперанто» – все взято из личного опыта Шаламова; «Последний бой майора Пугачева», с другой стороны, взят не из собственной жизни, но частично основан на исторических событиях.

В конце 1970-х здоровье Шаламова начинает ухудшаться. В 1979 г. Литературный фонд (отделение Союза писателей, которое занималось вопросами проживания, пенсиями и т.п.) определил его в дом престарелых, где Шаламов лишился зрения и слуха. Неясно, в какой степени он мог воспринимать происходившее вокруг.

17 января 1982 г. я выступал с лекцией о жизни и творчестве Шаламова для Вашингтонского отделения русского Литературного фонда. Это был самый хо-

лодный день в истории города – как будто Колыма пришла в Вашингтон, – и только горстка преданных поклонников не испугалась непогоды. Мы тогда не знали, что Шаламов умер в тот самый день.

Когда я узнал об этом, позвонил в Москву в Союз писателей СССР, но там отказались сообщать какую-либо информацию кроме самого факта: Шаламов умер и был похоронен. Позже я получил фотографии с похорон и узнал, что за два дня до этого он был переведен из одного дома престарелых в другой и не выдержал переезда.

В конце осени 1987 г. я встретился с Сергеем Залыгиным, главным редактором самого известного русского журнала «Новый мир». Залыгин с оптимизмом говорил о реформах в СССР. Я возразил, что «Колымские рассказы» все еще не могут быть опубликованы. Он казался искренне заинтригованным моим замечанием и обещал уделить пристальное внимание этому вопросу; не прошло и года – он включил в журнал подборку из «Колымских рассказов».

В 1989 г., впервые за 16 лет, я получил визу в СССР. Однажды в одном из московских подземных переходов я увидел длинную очередь. Из-за дефицита потребительских товаров очереди тогда были обычным явлением, и я собирался было пройти мимо, но вдруг заметил, что продавали не апельсины и не шампуни... а «Колымские рассказы». Мужчина, стоявший в начале очереди, купил три экземпляра. Женщина за ним взяла шесть.

Я хочу выразить глубокую благодарность Абрахаму Брумбергу, Диане Глэд, Леонарду Мейерсу, Карен МакДермотт, Синтии Розенбергер, Эмили Толл и Жозефине Вулл за их помощь в подготовке этой книги.

Я особенно обязан талантливой Сюзан Эш за ее многочисленные предложения по поводу стиля.

В апреле 1990 г. Ираида Сиротинская, наследница Шаламова, приехала в Вашингтон и поделилась со мной многими автобиографическими сведениями, представленными здесь.

Работа над книгой оказалась возможной благодаря поддержке Фонда Гуггенхайма и независимого федерального агентства Национальный фонд гуманитарных наук.

*Перевод Артемия Попова.
Под редакцией Л. Егоровой*

Перевод авторизован Ларисой Глэд

Источник

Glad, John. Foreword / John Glad // Shalamov, V. Kolyma Tales / Varlam Shalamov ; trans. by John Glad. – London : Penguin Books, 1994. – P. IX–XIX.

John Glad

FOREWORD

This issue presents for the first time in Russian John Glad's Foreword to Varlam Shalamov's «Kolyma Tales».

Varlam Shalamov, John Glad, translation, «Kolyma Tales».